

ALEKSANDER KIKLEWICZ
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

В КАКОМ СМЫСЛЕ
ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?
О ПРЕДМЕТЕ И ГРАНИЦАХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (II)

3. ДВА ТИПА КУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Для того, чтобы понять механизм социокультурной обусловленности языка, необходимо разграничивать два типа такой обусловленности (или детерминации). Начну с примера. Факт, что прошел дождь, непосредственно причастен к тому, что земля стала мокрой. Здесь имеется прямая обусловленность одного события другим. Но представим себе такую ситуацию: во время первой встречи Димы и Маши падал сильный дождь, поэтому теперь, когда падает дождь, Дима (почти как герой стихотворения Арсения Тарковского *Ночной дождь*) вспоминает Машу и свою первую любовь. Между дождем и воспоминанием Димы, как и в первой ситуации, существует обусловленность, но она другого рода: в первом случае мы имеем дело с обусловленностью содержания, т.е. содержание дождя (свойство «быть дождем») таково, что после его падения на землю она становится мокрой — меняется ее содержание (приобретается свойство «быть мокрым»). Во втором случае мы имеем дело с обусловленностью фактов: факт дождя обуславливает факт воспоминаний, содержание воспоминаний вытекает из факта (но не из содержания) дождя¹.

Первая часть статьи была опубликована в предыдущем номере журнала.

¹ В упомянутом стихотворении Тарковского несколько иная мифопоэтическая ситуация: поэт пытается интерпретировать два события в аспекте взаимодействия содержаний, т.е. состояния и судьбы героев как прямое продолже-

Таким образом, можно различать два типа детерминации: с одной стороны — содержательную, событийную, онтологическую, с другой стороны — фактовую, эпистемологическую². В первом случае детерминируются симптоматические феномены, т.е. такие следствия, которые прямо указывают на содержание причины (мокрая земля как симптом дождя). Во втором случае детерминируются символические феномены, указывающие лишь на факт соответствующих реакций, без раскрытия содержания условий, которые способствовали их появлению.

В отношениях между языком и культурой реализуются оба типа детерминации.

Употреблению языковых единиц может сопутствовать культурная информация — о типах социального поведения представителей данного культурного сообщества, о типичных способах ментальной репрезентации действительности (картинах мира), в частности, системе ценностей. Надо помнить, что культурная информация имеет общий характер, т.е. касается сферы деятельности/существования группы людей. Добытый в процессе деятельности культурно релевантный опыт может отражаться в языковых номинациях, в структуре языковых категорий, в сочетаемости языковых единиц, в содержании текстов. В этом случае можно говорить о содержательной культурной детерминации языка/текста.

Примеров такого рода детерминации немало. Теория семантического поля возникла в недрах немецкого неогумбольдтианства именно в связи с разработкой лингвокультурологической проблематики (хотя сегодня она больше ассоциируется с компонентным анализом, разработанным в соответствии с методологией структурализма). Семантические, в частности, тематические поля первоначально рассматривались как модули языковой картины мира, отражающей специфическое для носителей данного языка видение мира (см. Караулов 1976: 271 сл.). В связи с этим известный исследователь Леонид М. Васильев пишет: «Семантическая структура языка [...] содержит в себе ту систему понятий и представлений, которой располагает обще-

ние, следствие дождя, ненастной погоды: «Как слезы, капли дождевые / Светились на лице твоём, / А я еще не знал, какие / Безумства мы переживем».

² Терминология отчасти заимствована из работы Сандро В. Кодзасова, который пишет о событийном (онтологическом) и фактовом (эпистемическом) регистрах текста (2009: 148).

ство на данном этапе его развития» (2006: 22). Васильев подчеркивает, что язык не копирует материальной действительности — «в нем отражается лишь способ познания мира, характер познавательной деятельности людей, их общественная практика» (там же). Всем известны хрестоматийные примеры обусловленности объема отдельных лексико-семантических групп характером культурной среды носителей языка — достаточно сослаться на названия снега или оленей у эскимосов и в саамских языках, названия лошадей в арабском языке, названия денег в воровском жаргоне и др.

Структура и функционирование семантических полей исключительно важны для описания текстовых картин мира — определение этого понятия мы находим у Войцеха Кайтоха (Kajtoch 2008: 14 сл.). Кайтох исходит из известной предпосылки, что значимое часто, а частое значимо. Составленный им частотно-тематический словарь базируется на группе жанрово однородных журналистских текстов. С одной стороны, определяется частота функционирования 22 тематических категорий, обобщенных в шести сферах. С другой стороны, каждая сфера и категория описывается с точки зрения формальных способов ее представления — выделено семь таких способов. Детально, с применением тщательного количественного аппарата исследуются три источника: 1) молодежные журналы для девушек; 2) журналы для любителей поп-музыки; 3) журналы для любителей музыки *heavy metal*. Кайтох, в частности, приходит к выводу, что о людях и вообще живых существах наиболее часто сообщают журналы для любителей поп-музыки. Информация о вещах чаще всего появляется в журналах для девушек и наименее часто — в журналах для любителей «металла». Что касается отдельных тематических сфер, то во всех источниках наиболее представлены «онтологические и физические характеристики мира» (32,5%), а также сфера «лица» (21,12%). Наименее частотными являются сфера «природа» (8,19%) и сфера «течение жизни и человеческая деятельность» (7,20%) (там же: 69 сл.).

Культурно мотивированным можно считать и объем словарного фонда в разных языках мира. Так, среди славянских языков наименьшим объемом располагает македонский, что Адам Е. Супрун объяснял культурно-историческим фактором — молодостью языка: «словарь создавался в период второго десятилетия существования македонского литературного языка» (1983: 8 сл.).

К примерам прямой культурной обусловленности относятся и многие (хотя, видимо, не все) семантические коннотации. Так, в европейских языках распространены негативные коннотации названий животных (см. Tokarski 1999: 75 сл.), что отражает антропоцентрический характер европейской культуры³. В то же время Райса Х. Хайруллина (2005: 52) пишет, что в отличие от негативных коннотаций существительных *обезьяна*, *корова*, *свинья* в русском языке их коннотации в хинди положительные, что объясняется традицией народа, согласно которой эти животные — священные.

Семантические коннотации могут быть связаны с так называемыми прототипами, т.е. с наиболее типичными экземплярами данной семантической категории, которые ассоциируются с ней в первую очередь. Семантические прототипы культурно мотивированы и культурно маркированы, так как они отражают конкретно-эмпирический аспект функционирования лексических понятий: условия жизни представителей каждого языкового сообщества таковы, что часто они имеют дело с разными типичными экземплярами одних и тех же понятийных категорий. Это, например, проявляется в ассоциативном эксперименте. Сравним, например, наиболее частые ассоциации русского существительного *чай* и его английского соответствия *tea* (источник информации: Зборовская 2014):

Русский язык			Английский язык		
№	Ассоциация	Частота	№	Ассоциация	Частота
1	индийский	65	1	coffe	17
2	крепкий	55	2	cup	9
3	кофе	43	3	time	8
4	грузинский	37	4	drink	6
5	горячий	22	5	pot	6
6	зеленый	20	6	sugar	6

Сравнение показывает, что русские ассоциации более прототипичны — на это указывают слова-реакции *индийский*, *крепкий*, *грузинский*, *горячий*, *зеленый*. В английском языке наиболее частые реакции *cup*, *time*, *drink*, *pot*, *sugar* относятся, скорее,

³ Сусумо Куно пишет об антропоцентризме как об одном из параметров эмпирической иерархии (*Humanness hierarchy*) при организации высказывания (Kuno 1987: 238).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

к сфере приготовления и употребления чая, что отражает культуру чаепития, которая в течение столетий сформировалась в Великобритании и США.

Существительное *столица* в каждом отдельном языке вызывает в первую очередь ассоциацию со столицей государства, которое населяют носители данного языка. Более того, хотя русские словари приводят значение данного слова 'главный город, административно-политический центр государства', в действительности оно функционирует также в другом значении — 'Москва' (в польском языке существительное *stolica* — дополнительно в значении 'Варшава' и т.п.), ср.:

Челябинский Шварценеггер вернулся из столицы в родную пожарную часть («Комсомольская правда». 1 X 2014), ср. вернулся из Москвы.

Не гонять же машину каждые 15 тысяч км в столицу или другой крупный город, где есть официальный сервис (Игорь Сири́н), ср. не гонять же в Москву.

И ассоциации, и многозначность такого рода следует считать результатом прямого воздействия культурной среды на языковую систему и речевую деятельность.

Несомненно, к симптоматическим языковым феноменам относится категория стиля. С т и л ь, как писал Юрий С. Степанов, «характеризуется принципом отбора и комбинации наличных языковых средств» (1990: 494), но при этом важно, что каждый стиль (функциональный стиль, стиль эпохи, стиль автора, стиль произведения) формируется в соответствующих социокультурных условиях и отражает дифференциацию, а иногда и стратификацию социальной системы. Отдельные функциональные стили формируются на основе соответствующих социальных контекстов или функциональных систем — таких, как экономика/производство, наука, образование, развлечение, религия, искусство, армия, право/администрация, приватность и др. Такой, феноменологический подход наиболее обоснован в случае идиостилей, когда «принцип отбора и комбинации языковых средств» прямо указывает на особенности языковой личности. Так, в начале второго тома *Мертвых душ* мы читаем:

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира. Уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вероломными ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много должностей,

что много потерпел за правду, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал он такого, что показывало в нем скорее практического человека.

Далее Гоголь пишет:

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков.

Действительно, по своей манере речи Чичиков не только распознаваем — в этом отношении стиль выполняет диакритическую функцию, но и в определенной степени узнаваем, неслучайно собеседник сразу понимает, что имеет дело с практическим человеком.

С онтологическим типом культурной детерминации мы имеем дело и на уровне текста. Содержание текста прямо детерминировано культурой, когда в нем описываются явления общего характера — собственно, то, что Степанов и называл «константами культуры». В связи с этим важно учитывать, например, мнение Леонида М. Баткина:

Не всякий текст и не с любой стороны взятый есть феномен культуры. Культурным его делает только то, что перед нами не безлично-вещная «информация», [...] а произведение чужого сознания [отражающего систему коллективных концептов и точек зрения — А.К.] (1985: 304).

Это означает, что культурная информация непосредственно представлена в текстах только определенного типа. Во втором пункте данной статьи уже была речь о том, что художественные, а отчасти и фольклорные тексты культурно не репрезентативны, во всяком случае они не содержат в открытой форме информации об укладе жизни, представлениях и социальных нормах членов определенной социальной группы; сама проблема социальной атрибуции содержания таких текстов весьма сложна и требует специального анализа. Что касается культурно репрезентативных текстов, то к ним, кроме уже упомянутых историко-литературных комментариев, следует отнести культурологические и антропологические описания определенных культурных ситуаций, выполненные в научной манере, как, например, монография Аллы А. Камаловой и Любови А. Савёловой (2007), или в художественной манере — ср.

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

в качестве примера книгу Александра Гениса *Культурология: раз!* В значительной степени к этому роду литературы относится документалистика, в частности, некоторые разновидности репортажа (аналитический и познавательно-тематический).

4. КУЛЬТУРА КАК СОПУТСТВУЮЩИЙ ФАКТОР

Онтологической детерминации языка и текста нельзя, однако, абсолютизировать. Дмитрий Б. Гудков, хотя и пишет о выражении кодов культуры в естественном языке, однако признает, что во многих случаях «подобная вербализация затруднительна» (2005: 26). На тему зависимости языковой семантики от культурной среды тот же ученый пишет:

О полной произвольности говорить в данном случае все же нельзя, т.к. [...] значения определяются культурой (в широком понимании) социума, но вряд ли можно вести речь и об их абсолютной детерминированности (там же: 28; разрядка — А.К.).

Объем и состав словаря, а также отдельных семантических полей только отчасти обусловлен культурной средой, а также глубинными категориями «психологии народа». Во-первых, как пишет Збыслав Мушинский (Muszyński 1996: 34), языковая семантика сочетает в себе элементы (объективного, онтологического) реализма и (субъективного, эпистемического) антиреализма, т.е. конструктивизма: содержания языковых знаков и их категорий ни в коем случае нельзя свести только к психологическим установкам носителей языка и социокультурным контекстам, в которых они формируются.

Во-вторых, даже в тех случаях, когда формальные, структурные и функциональные свойства языковых систем варьируются в зависимости от культурной среды, не всегда можно констатировать моделирование одной системы (языковой) по образцу другой (культурной). Культурные коннотации и лексические концепты как результат «обогащения» лексических значений за счет культурной коннотаций появляются в определенных условиях. В связи с этим на научной конференции в Институте языкознания РАН в феврале 2013 года Виктор А. Виноградов высказал верную мысль: «Слов много, а концептов мало». Значит, культурный фактор не охватывает всей лексической системы языка, не говоря уже о грамматической (см. далее).

Существует немало фактов, когда сходства или различия лексических систем языков трудно объяснить с помощью культурологических апелляций. Например, это касается такого явления, как лексические лакуны. В польском языке имеется существительное *używka* со значением ‘вкусовое вещество’. Данное слово обозначает употребляемые человеком продукты, не имеющие питательной ценности, например, кофе, чай, алкоголь, пряности, табак. Лексемы с соответствующим значением нет ни в восточнославянских, ни в германских языках. Можно теряться в догадках, как в данном факте (если воспользоваться уже приведенной цитатой из работы Васильева) «отражается способ познания мира, характер познавательной деятельности людей, их общественная практика». Поиски рационального доказательства того, что данный лингвистический факт каким-то образом генерирован «психологией» польского народа, обречены на неудачу — сама попытка такого поиска означала бы спекуляцию.

Юрий С. Маслов приводит в своем учебнике лексические различия между славянскими, германскими и романскими языками (1987: 100). С одной стороны, в английском, французском и немецком имеются отдельные названия для пальцев рук и ног (а также названия ногтей на руках и ногах); с другой стороны, русские глаголы *мыть* и *стирать* переводятся одним немецким словом *waschen*. Сравнивая французский и русский языки, Владимир Г. Гак писал, что во французском явление антропоморфизма распространено шире, чем в русском: «Многие глаголы, обозначающие специфические действия живого существа, чаще используются в приложении к неодушевленным объектам или субъектам», при этом «метафоричность оказывается более стертой, чем в русском языке» (1977: 256 сл.). То же касается и регулярной полисемии. Например, во французском, в отличие от русского, одним словом обозначается животное и мясо от животного, масса и частица массы, качество и носителя признака (там же). В русском языке ласковое обращение к человеку может быть реализовано в форме метафорически употребляемых существительных *зайчик*, *котенок*, *птичка*, *рыбка*, ср.:

Додик, рыбка моя, — говорила она, — мне все равно идет та же зарплата! (Нина Щербак).

Пропосту говоря, если нас с тобой поймают, тебя проанализируют и заинтернируют, котенок мой (Владимир Набоков).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

И еще подумала с душившей ее нежностью — «з а й ч и к м о й» (Олег Гладов).

Двосечка, п т и ч к а м о я, сыграй что-либо на гитаре (Валерий Аграновский).

В польском, казалось бы, родственном языке подобные обращения отличаются своей частотностью и характером употребления, кроме того встречаются такие, которые казались бы русским невозможными:

Ty moja najmlsza, uęskniona m a ł p k o zawsze zmęczone, myślę, że tam w końcu wypoczywasz (Hanna Samson), ср. русск. ??? моя обезьянка.

W sam raz na lato temacik, ż a b k o — powiedział na koniec (Mariusz Ziomecki), ср. русск. ??? моя лягушечка / мой лягушонок.

Дать социологическое, культурологическое или антропологическое объяснение многочисленным примерам такого рода не представляется возможным.

В предыдущем разделе была речь о влиянии культуры на стилистическую дифференциацию языка. Действительно, тот факт, что в языке представлены отдельные стилистические подсистемы, непосредственно вытекает из дифференциации социальной системы. Это же касается и социолектов. В то же время нельзя дать исчерпывающего культурологического объяснения того, почему те или иные единицы ассоциируются с определенным стилем или социолектом. Например, весной 2014 года в средствах массовой информации можно было прочесть о действиях сепаратистов в Украине. Так, в статье *Российский спецназ в Краматорске: „За поребрик отойди!”* на сайте <http://ukranews.com/ru/news/ukraine/2014/04/13/120123> (13 IV 2014) сообщалось, что в Краматорске во время захвата горотдела МВД действовали вооруженные представители Российской Федерации. Это следует из видео, на котором слышен разговор вооруженных захватчиков. Вооруженные люди просят собравшихся отойти подальше: «За поребрик отойди!». Существительное *поребрик* ‘бордюр’ не употребляется в Украине, это — характерное петербургское слово. Факт употребления слова *поребрик*, разумеется, в рассматриваемой ситуации однозначно указывает на российское и, более того, петербургское происхождение говорящего, хотя при этом нельзя дать культурологического объяснения, почему, например, в Москве бытует слово *бордюр*, а в Петербурге — сло-

во *порებრიկ*. Культурная обусловленность лексического состава отдельных социолектов оказывается, по крайней мере от части, фактовой.

Еще в большей степени на такой вывод наталкивают наблюдения над грамматическими системами естественных языков. Рассуждая о многообразии «типов языковой морфологии» в языках мира, Эдвард Сепир высказывал мысль о предположительной корреляции содержания грамматических категорий и «типов мысли и деятельности» людей на ранних стадиях формирования языка (1993: 282). Корреляция эта, однако, в силу того, что ни язык, ни культура, по словам Сепира, не являются «прямым отражением групповой психологии», относительна, чему способствует также разная скорость изменений в языке и культуре:

Элементы культуры в силу того, что они служат более непосредственным нуждам общества и легче осознаются людьми, не только изменяются быстрее, чем элементы языковой системы, но и сама форма организации культуры [...] постоянно видоизменяется. Элементы языковой системы, хоть и могут претерпевать определенные изменения, но изменения эти не ведут к полной перестройке всей системы вследствие подсознательного характера грамматической классификации. Сама по себе грамматическая система склонна оставаться неизменной (1993: 282 сл.).

Именно поэтому разная грамматикализация одного и того же содержания в языках мира вовсе не означает различия культурных картин мира или социальных типов поведения — мы имеем дело только с фактовой культурной детерминацией. Непонимание этого приводит к ошибочным интерпретациям. Так, в книге Хайруллиной читаем: «По своей сущности межкультурная коммуникация — это межперсональная коммуникация в специальном контексте, когда один участник общения обнаруживает культурное отличие от другого» (2005: 19). При этом Хайруллина приводит (заимствованный из книги Льва Успенского) пример ситуации, в которой существительные, имеющие одинаковую лексическую семантику, выражают разные значения грамматической категории рода. Когда со стола падает ложка, русская женщина восклицает: — *Дама придет!* Немка не соглашается: — *Почему дама? Ложка — der Löffel. Придет мужчина!* В армянском языке существительные не выражают родовых значений, поэтому армянка не понимает смысла этого спора. В данном случае мы имеем дело с так называемой с е м а н т и з а -

ц и е й грамматической категории рода — она, как видим, может иметь прямое отношение к разного рода культурно специфическим верованиям и приметам. Однако же сами грамматические различия, в частности, тот факт, что ложка обозначается в русском языке существительным женского, а в немецком языке — мужского рода, не имеют прямой культурно-психологической мотивации, во всяком случае современная наука не располагает методами, которые бы позволили эксплицировать это.

В русском языке существительное *жираф* мужского рода, а в польском соответствующее существительное *żyrafa* женского рода. В русском языке слово *класс* мужского рода, а его соответствие *classa* во французском языке — женского рода. В белорусском языке слова *сказ* ‘предложение’ и *тэкст* близки по значению, но первое имеет форму родительного падежа с окончанием *-а*, а второе — с окончанием *-у*, ср.: *сказа* — *тэксту*. Если учесть высказывание Измаила И. Срезневского: «Всякий живой язык есть такое народное достояние, которым каждый член народа по закону природы должен воспользоваться, воплощая его в себе, воплощая в нем все силы своего духа» (1986: 103), то все эти грамматические факты следовало бы интерпретировать как «воплощение силы духа» — русского, немецкого, польского, белорусского и др. народов. В действительности же содержательная культурная детерминация этих феноменов отсутствует.

Сказанное касается не только отдельных грамматических форм, но и целых грамматических категорий. Так, бытует мнение, что категория времени глаголов непосредственно зависит от типа культуры: жители Западной Европы относятся к монокроническому типу культуры, а жители Восточной Европы — к полихроническому типу. Ричард Гестеланд открыл закономерность, согласно которой северные народы более пунктуальны, чем южные, западные более пунктуальны, чем восточные (Gesteland 2000: 60 сл.). Так объясняется большое число значений категории времени в германских языках (12 значений в английском) и небольшое число значений в славянских и балтийских языках (3 в русском, 4 в литовском). В то же время категория времени в некоторых славянских языках весьма специфицирована: в болгарском языке выражается 9 временных значений, в сербском и хорватском — 8 значений. Эти народы, разумеется, нельзя отнести ни к северным, ни к западным. Возможно, такое положение является следствием турецкого влияния — в турец-

ком языке имеется 5 простых и 7 сложных времен (и тогда понятно, почему в словенском языке выделяется только 4 временных значения, ведь Словения с XIV века находилась в составе Австрийской империи), но в схемы типологической антропологии это не укладывается, поскольку турецкая культура относится к умеренному полихроническому типу.

Как известно, категория рода, в тех случаях, когда слово не называет лицо, не содержит никакой «реальной семантики» (Шведова 1982: 467) — культурная обусловленность данной категории носит, таким образом, внешний, фактовый характер. Поэтому попытки культурологической интерпретации этой категории считаются не более чем курьезными. Так, Анна Ливия (Livia 2001: 17) упоминает мнение авторов одной из французских грамматик начала XX века (Damourette/Pichon 1930), в которой можно прочесть, что различие существительных мужского и женского рода во французском языке культурно мотивировано: существительные мужского рода (например, *moteur* ‘мотор’ или *remorqueur* ‘буксир’) называются самодеятельные машины/агрегаты, которые действуют благодаря энергии, производимой за счет собственных ресурсов; существительные женского рода, по мнению упомянутых авторов (например, *faucheuse*, *moissonneuse* ‘косилка, уборочная машина’ или *batteuse* ‘молотилка’), называются машины/агрегаты, которые остаются пассивными до того времени, пока они не будут приведены в действие посторонней силой. Такое объяснение может вызвать только улыбку.

Не поддаются однозначной культурологической интерпретации также факты словообразования. Хотя Е.А. Карпиловская (Karpiłowska 2007: 28 ссл.) пишет, что сопоставительное исследование словообразовательных гнезд в разных языках позволяет сделать выводы о характерных для каждого из них языковым картинам мира (т.е. о том, как специфицированы одни и те же базовые понятия), в действительности к национальному менталитету, к «народным силам духа» эти выводы не имеют, по большому счету, отношения. Во-первых, словообразовательные гнезда представляют собой, скорее всего, лингвистические конструкты и (по крайней мере в том виде, как они представлены в лингвистических работах) отсутствуют в языковом сознании носителей языка. Во-вторых, и сходства, и различия языков в области словообразования не могут быть однозначно интерпретированы в свете каких-либо категорий культуры. На-

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

пример, в польском языке при образовании относительных прилагательных широко употребляется суффикс *-owy*. В русском языке нет однозначных лексических соответствий этим дериватам, см. таблицу.

Прямые соответствия (с суффиксом <i>-ow</i>)	Непрямые соответствия (с суффиксом <i>-н</i>)	Отсутствие лексического соответствия
gumowy 'резиновый' trzciniowy 'тростниковый' moczowy 'мочевой' deszczowy 'дождевой' drożdżowy 'дрожжевой'	wtorkowy 'вторничный' piątkowy 'пятничный' życiowy 'жизненный' śmieciowy 'мусорный' południowy 'южный' wiekowy 'возрастной' stalowy 'стальной' atomowy 'атомный' tlenowy 'кислородный' cukrowy 'сахарный' toaletowy 'туалетный'	środowy zdaniowy dwuosobowy 'из двух человек' piknikowy galaretkowy pourazowy ciążowy ustawowy

Трудно (если вообще возможно) указать какое-либо правило, регулирующее отношения двух языковых систем, что же касается апелляции к категориям высшего порядка, таким, как тип национальной культуры, «дух народа», культурная идентичность, в данном случае они представляются совершенно безосновательными.

Синтаксические системы языков мира обнаруживают как сходства, так и существенные расхождения. В подавляющем большинстве эти явления относятся к сфере фактовой культурной детерминации, т.е. непосредственно не связаны ни с укладом жизни, ни с мировоззрением носителей языка. Такой характер имеет, например, выражение местоположения и перемещения в разных европейских языках, на что обратил внимание ранее упомянутый Гак:

Основные локальные значения в русском языке выражаются глаголами, предлогами (иногда с помощью падежных форм). Если глагол достаточно дифференцирует в своей семантике местоположение и перемещение, то предлог и флексия могут не различать их: *Лампа висит над столом* и *Повесить лампу над столом*. Эта избыточность предлога при выражении значений «где?» и «куда?» позволяет некоторым языкам (например, французскому) вообще не различать этих понятий в предлогах и наречиях (1988: 64).

Евгений В. Зарецкий исследовал функционирование имперсональных конструкций в разных европейских языках (2008). Ученый принимает во внимание распространенную точку зрения, что наличие большого числа безличных выражений свидетельствует о специфического менталитете и национальном характере носителей языка, а именно — фатализме и иррациональности, однако лингвистический анализ не дает никаких оснований для признания этого тезиса; по словам Зарецкого, «пациентивность русского имперсонала компенсируется пациентивностью английского и немецкого пассива» (там же: 423). Данную позицию, как вытекает из проведенной Зарецким анкеты, разделяют многие известные лингвисты (там же: 404 сл.).

По данным Зарецкого, к употреблению имперсонала более склонны женщины, чем мужчины. Из этого, по мнению ученого, должен был бы следовать вывод, что характерные для обоих полов стили мышления непосредственно проявляются в языковой системе. «Такое предположение, — читаем мы у Зарецкого — однако, едва ли приемлемо, так как в наиболее фемининных культурах (Дания, Норвегия, Швеция) имперсоналом практически не пользуются» (2008: 481). Из своих наблюдений Зарецкий делает вывод:

Склонность женщин к имперсоналу может объясняться их более вежливым стилем речи, обусловленным относительно слабым социальным положением из-за доминирующего почти во всем мире патриархата. Никакого отношения к языковому строю в той или иной стране (или же культуре) данная особенность женского гендерлекта, очевидно, не имеет (там же: 482).

Регулятивный принцип реализуется и в отношениях между культурой и текстом. В данном разделе уже отмечалось, что существует жанры текстов, специально предназначенные для выражения культурно значимой информации. Они, однако, не охватывают всего массива создаваемых и культивируемых текстов. В одной из ранее опубликованных работ (Kiklewicz 2011b: 74 сл.) я уже писал о границах применения когнитивного подхода к текстам художественной литературы. Интерпретация текста с точки зрения экспликации закодированных в нем «культурных смыслов», а именно — отсылок/апелляций к прецедентным феноменам, возможна только в определенных ситуациях, когда эти «культурные смыслы», действительно, составляют значитель-

ную часть текстовой семантики. Например, в случае так называемых «синтаксических поэтик» (см. Степанов 1985: 181), т.е. литературы модернизма (в первую очередь футуризма), а также некоторых форм постмодернизма, например, литературы нон-сенса, применение когнитивного метода равнозначно стрельбе из пушки по воробьям. Культурные апелляции в «заумных» текстах Велимира Хлебникова практически отсутствуют, в текстах же литературного нонсенса они могут быть эксплицированы в виде эпистемических пресуппозиций, содержащих, однако, значение проблематичности (такие апелляции можно было бы назвать «полукультурными»). Проанализируем начало рассказа Даниила Хармса *Что теперь продают в магазинах*:

Каратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы. Каратыгин потоптался у дверей Тикакеева и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеенчатую кошелку.

Содержание текста дает основание для выделения нескольких эпистемических пресуппозиций:

[Можно считать/предполагать, что в то историческое время, которое описывается в рассказе, люди покупали продукты в магазинах].

[Можно считать/предполагать, что люди в то время покупали самые необходимые, натуральные продукты, без консервации (например, сахар, мясо, огурцы)].

[Можно считать/предполагать, что люди в то время писали друг другу записки, если не заставали кого-либо дома, а значит, носили с собой бумагу и какое-то орудие письма].

[Можно считать/предполагать, что люди в то время носили продукты в клеенчатых кошелках].

Ассертивное содержание текста указывает на частный эпизод человеческих отношений, а культурное содержание пресуппозиций является гипотетическим, условным.

В упомянутой выше моей статье было показано, что художественный текст может быть построен по принципу избегания, отрицания культурных аллюзий. Такой характер имеет стихотворение Иннокентия Анненского *Среди миров*. Установка поэта имеет эмпирический, феноменологический характер, поэтому символические аналогии, связанные, в частности, с концептом «звезда», были подвергнуты Анненским своего рода деконструкции. «Культурные смыслы» в данном тексте как бы «выносятся

за скобки» в результате процедуры секуляризации (т.е. демифологизации) категорий восприятия. Анненский — в духе феноменологии и эмпириоцентризма — обращает наше внимание на мир предметов, в котором звездное небо — это звездное небо, а мерцающие светила — это мерцающие светила, вне каких-либо культурных апелляций. Символист, который здесь изменяет принципу символизма, передает нам простую, в сущности, мысль: аналогии и символические проекции малопригодны для истолкования человеческих отношений и человеческих чувств.

Парадокс текста заключается в том, что в нем одновременно реализуются два противоположных принципа организации: избыточность (редунданция) и схематичность (см. Kikiewicz 2007: 94). Оба эти свойства слабо коррелируют с понятием культурной мотивации текста. Избыточность — чисто формальное, процедурное явление, регулируемое номотетическими, т.е. специфическими правилами каждого языка (см. Kleszczowa 2006: 48 сл.). Например, русский и французский языки, как отмечает Гак (1977: 283), отличаются тем, что в русском глаголы движения согласуются по значению с существительным в позиции подлежащего, ср.:

Змея выползла из своей норы.
Птица вылетела из своего гнезда.

Во французском двум русским глаголам соответствует одно слово:

Le serpent a quitté son trou.
L'oiseau a quitté son nid.

Различие это, однако, не поддается никакому «внешнему», культурологическому объяснению — его надо принять как лингвистический, а именно — типологический факт.

Намного больше внимания в последнее время уделяется другому свойству текста — схематичности. Одним из первых о принципиальной неопределеннозначности, т.е. некомпозитивности, неформальности, языковых выражений разного формата писал Виктор В. Мартынов (1985: 155 ссл.; 1995: 83 ссл.). Известный когнитолог Рене Дирвен (2001) определил данное явление как *minimal-specification view*, что означает схематичный, упрощенно-обобщенный характер закодированной

в языковых знаках информации (см. также: Земская/Китайгородская/Ширяев 1981: 19; Korzyk 1999: 23; Warchala 2003: 83). Рассмотрим в связи с этим фрагмент рассказа Юрия Казакова *Вон бежит собака!*:

Крымову захотелось закурить, но совестно было беспокоить соседку, и он не пошел вперед, достал сигарету, нагнувшись, воровато чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся и выпустил дым тонкой, невидимой в темноте струйкой вниз, под ноги.

Ситуация, которую описывает автор, оформлена с помощью языковых знаков схематически, т.е. с опущением ряда существенных деталей, о которых читатель, будучи членом культурного сообщества, должен додуматься. Например, не написано, зачем Крымов собирался пойти вперед — для культурно некомпетентного читателя это могло бы значить, что в русских автобусах позволяется курить и для этого отведено специальное место в передней части автобуса. В тексте написано, что Крымов чиркнул зажигалкой, но, надо думать, что после этого появился огонь, и Крымов, перед тем, как затянуться и выпустить дым, зажег папиросу. Хотя Казаков пишет, что Крымов *выпустил дым под ноги*, культурно компетентный читатель понимает, что он не выпустил дым (дословно) под ноги (ведь ноги опирались о пол), а скорее — под сиденье, в ноги, в то место, где находились ноги.

В современной функциональной лингвистике общепринятым считается мнение, что понимание высказывания и текста всегда опирается на *инференцию*, т.е. актуализацию фоновых знаний о мире, о коммуникативной ситуации и т.п. Инференция означает необходимую для правильной или коммуникативно адекватной интерпретации текста апелляцию к тому, что в XIX веке в работах сторонников психологического языкознания определялось как *апперцептивная база* (ср. термин *cultural background* в англоязычной терминологии). Поэтому в неопределеннозначности и инференции многие лингвисты видят прямое доказательство культурной обусловленности языка и текста. Например, Мария Л. Ковшова «культурную функцию фразеологизмов» видит в том, что для семантической интерпретации фразеологических единиц, которые по своей природе признаются неопределенными, требуется дополнительная «внешняя» информация: «семантика фразеологизма в процессе его культурной интерпретации получает различные культурные добав-

ки» (2013: 81; ср. подобное понятие у Алексея Авдеева: Awdziejew 2004: 15).

В действительности дело обстоит несколько иначе. В самом деле, форма языковых сообщений приспосабливается к условиям речевой деятельности. Если говорящий рассчитывает на то, что у адресата имеются общие с ним знания о мире, в частности, о предмете сообщения, он построит текст иначе, нежели в ситуации общения с незнакомым человеком. Между коммуникативной средой и высказыванием/текстом устанавливается отношение аккомодации: существует закономерность, по которой в разговорном стиле превалируют синтаксически конденсированные конструкции, а официально-деловой стиль, напротив, культивирует конструкции полного, изосемического типа.

«Культурные смыслы», которые в процессе упомянутой конденсации сообщения не получают формальной/структурной экспликации, остаются за рамками сообщения. Да, они необходимы, чтобы понять сообщение в наиболее полном и адекватном смысле, но ни содержание, ни форма, ни структура конденсированных сообщений не представляет какой-либо «культурной картины мира». В этом и состоит упомянутый ранее принцип регулятивности: культурная информация не выражается в тексте — она, как нечто отдельное, восполняет содержание текста. Текст не генерируется, а регулируется культурой, поэтому по отношению к семантике текста «культурные смыслы» как элементы культурной (а не языковой) компетенции имеют комплементарный статус.

В связи с этим можно утверждать, что описание разного рода сопутствующей употреблению языковых знаков культурной информации — это, вопреки убеждению лингвокультурологов, описание того, чего в языке и тексте нет. Сказанное не значит, что упомянутая культурная информация не может быть предметом лингвистического исследования — как раз напротив, она исключительно важна. Но, описывая «культурные смыслы», надо отдавать себе отчет в том, какой у них статус, каким образом сконфигурировано отношение между культурной средой и языковой деятельностью.

Для прояснения этой мысли рассмотрим очередной «поведенческий» пример. Представим себе, что вы участвуете в семинаре, который проходит в другом, не знакомом вам городе. По дороге из гостиницы к месту проведения семинара вы должны

свернуть вправо. Чтобы сориентироваться и запомнить это место, вы обращаете внимание на здание с надписью: «Цифровое кино». Это место будет для вас ориентиром, когда вечером вы будете возвращаться в гостиницу. Увидев здание с надписью «Цифровое кино», вы получите сигнал, что надо повернуть — теперь уже — влево. Тот факт, что, действуя таким образом, вы в итоге окажетесь в гостинице, никак не отражает существования здания с надписью «Цифровое кино» (в отличие, например, от того, что вы приложили физическое усилие, проделали движения ногами и т.д.). Когда вы, представим себе, звоните домой: «Я уже вернулся в гостиницу», ваша реплика не содержит в себе информации «Я повернул влево возле здания с надписью ‘Цифровое кино’»), хотя, разумеется, существование такого здания имело отношение к вашему действию и способствовало достижению вашей цели.

Валерий М. Мокиенко (1999: 62 сл.) на примере фразеологического выражения *во всю ивановскую* блестяще показал, что один и тот же фразеологический оборот может иметь не только несколько значений в современном языке, но и несколько историко-этимологических интерпретаций. В случае с фразеологизмами мы имеем обычно дело с долгосрочными языковыми изменениями, охватывающими время жизни нескольких поколений носителей языка, когда мотивы и механизмы происшедших изменений не восстановимы без научной реконструкции⁴. Именно такая задача ставится перед авторами исторических словарей: «раскрыть общекультурный фон русской фразеологии путем историко-этимологического комментирования» (Мокиенко 2001: 6)⁵. В этой цитате следует обратить внимание на три детали: во-первых, фоновая историко-культурная информация доступна, и то не в полной степени, только специалистам — в массовом языковом употреблении она отсутствует, о чем писал еще Фердинанд де Соссюр:

Синхрония знает только одну перспективу, перспективу говорящих. [...] Чтобы убедиться, в какой мере то или другое языковое явление реально, необходимо и достаточно выяснить, в какой мере оно существует в сознании говорящих (1977: 123).

⁴ Идеей о кратко-, средне- и долгосрочных языковых изменениях поделился со мной проф. Михаил Л. Котин.

⁵ Ирина В. Зыкова называет такой метод «лингвокультурологической реконструкцией» (2014: 6).

Во-вторых, обратим внимание на то, что Мокиенко пишет о «фоновой историко-культурной информации», т.е. фактически находящейся за пределами языкового содержания фразеологизма. В-третьих, словарь представляет собой тип уже упомянутого ранее жанра — комментария, который описывает «культурные смыслы», необходимые для объяснения формы, содержания и функционирования фразеологизмов.

Таким образом, явление инференции указывает на комплементарность — по отношению к языковой системе и речевой деятельности — культурного фактора, а также на модулярный характер данных явлений. Почему выражение *корабельная роца* понимается нами как ‘роца, в которой растут высокие деревья, из которых изготавливают корабли, а именно — мачты для кораблей’, а не, например, как ‘роца, которая растет на корабле’ — по аналогии с выражением *корабельная пушка*? Ответ простой: носители языка что-то знают о роцах и кораблях, хотя это знание не отражено в форме и структуре, а также в дословном содержании языкового знака. Факт знания о мире обусловил факт языковой формы — в этом случае мы имеем дело именно с фактовой, а не содержательной детерминацией языкового знака.

5. КУЛЬТУРА БЕЗ ТЕКСТА

Уже в первом пункте была речь о выражаемых языковыми знаками разного формата «культурных смыслах», с которыми в лингвокультурологии ассоциируется понятие культуры. Характерным с этой точки зрения является метафорическое высказывание Ковшовой: культура «заимствует тела знаков для презентации своих смыслов» (2013: 70). Такой, филологический подход к описанию культуры в России сформировался под влиянием Михаила М. Бахтина, а отчасти и школы Льва С. Выготского. Бахтин писал: «Язык, слово — это почти все в человеческой жизни» (1979: 297). Подобная мысль содержится в высказывании его ученика — Валентина Н. Волошинова: «Не столько выражение приспособляется к нашему внутреннему миру, сколько наш внутренний мир приспособляется к возможностям нашего выражения» (1929: 108). Андрей В. Брушлинский и Владимир А. Поликарпов справедливо усматривают в теории Бахтина панвербализм:

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

Для Бахтина (как и для Выготского) на первом месте почти всегда выступает речь, слово [...] используемые даже тогда, когда он затрагивает преимущественно проблемы мышления. [...] Для Бахтина [...] на первый план выступает лишь единство сознания и речи, поскольку субъект для него — прежде всего речевой, говорящий (1990: 98–102).

К более ранним источникам панвербализма следует, видимо, отнести и с и х а з м — средневековое религиозное учение, в котором главными элементами культуры считались молчаливая молитва и «продолжительная сосредоточенность на одном слове или словесной формуле», что, как пишет Нина Б. Мечковская (1998: 296), должно было приводить к «диетическому восприятию главных словесно-языковых символов учения». «Исихасты, — читаем дальше у того же автора, — благоговели перед священными смыслами, перед звучанием и буквами священных слов. Не случайно, что именно в исихазме культ буквы, вера в букву достигли в православии своего пика» (там же). «В звуковом составе слова, в особенностях начертания, во внутреннем смысле составляющих слово морфем,— пишет Мечковская в другой книге, — искали отражения сущности вещей» (1984: 18). Так поступают и современные лингвокультурологи.

Раньше уже была речь о функциональной амбивалентности культурных стереотипов: в силу своего базового, программного статуса они должны получать выражение в разных сферах человеческой деятельности, независимо от употребления языка. Например, пресловутый антропоцентризм проявляется не только в метафорическом употреблении слов (в частности, зоонимов), не только в семантике пословиц и поговорок, в организации предложений и текстов, но также охватывает другие сферы: политику по отношению к животным, правовое регулирование охраны и использования животного мира, связанные с использованием животного мира обычаи, ритуалы, связанные с животными верования и др.

Иначе, при отсутствии такой амбивалентности, «культурные смыслы», которые описываются/учитываются при анализе языковых выражений, оказываются не совсем «культурными»: нет доказательства их инвариантного статуса.

Еще в большей степени теоретическим основам лингвокультурологии противоречат факты, когда те или иные культурные стереотипы, осознаваемые носителями языка и проявляющиеся в их поведении, не получают реализации в языке и речи. В част-

ности, это относится к сфере социальных норм поведения. Представители американской школы Пало-Альто пришли к следующему выводу:

Отношения лишь иногда определяются полностью осознанно. На самом деле, чем более спонтанны и «здоровы» отношения, тем более аспект отношений отходит на второй план. [...] Отношения являются основной проблемой (речевой. — А.К.) коммуникации (Вацлавик/Бивин/Джексон 2001: 15–21).

Существует много доказательств тезиса, что «культурные смыслы», относящиеся к сфере межличностных отношений, трудно поддаются вербализации и чаще реализуются в рамках так называемой аналоговой, а именно — невербальной, коммуникации. Социальные стереотипы хранятся, преимущественно, в латентной форме, а их содержание обычно не эксплицируется и не обсуждается, редко становится предметом информационного обмена (см. Kikiewicz 2011a: 277)⁶. Например, в каких языковых или текстовых формах хранится наше знание о том, что ключ в замке обычно поворачивается два раза (а не один раз, три раза, пять раз)? В каких словах, фразеологизмах, текстах мы выражаем общую привычку к вертикальному расположению бумаги на письменном столе, т.е. когда лист узкими сторонами обращен вверх и вниз?

Сказанное в особенности касается специфических областей межличностных отношений, а внутри них — позиции зависимости, например, позиции ребенка по отношению к взрослому, позиции гостя по отношению к хозяину, позиции подчиненного по отношению к начальнику⁷, позиции больного по отношению к медицинскому персоналу и т.д. Нельзя всего сказать.

Польский еженедельник «Tygodnik Powszechny» (2014/40) опубликовал статью проф. Михаила Геллера, в которой обсуждаются наиболее фундаментальные («большие») вопросы, интересующие культурные сообщества в разные эпохи. Весьма симптоматично, что, в основном, эти вопросы — в виде манифестированных языковых высказываний — касаются сферы материальной действительности и ее познания, например: «Что

⁶ Коммуникация в этом случае опирается на невербальные средства, а также на так называемые непрямые речевые акты, описанные, в частности, в монографии Вадима В. Дементьева (2006).

⁷ Ср. хотя бы знаменитое пушкинское: «Народ безмолвствует».

такое радиоактивность?» (Мария Кюри-Склодовская); «Как выглядит ядро атома?» (Нильс Бор); «Что можно знать?» (Иммануил Кант); «Что значат сны?» (Зигмунд Фрейд); «Действует ли человеческий разум, как машина?» (Алан Тьюринг) и др. В списке Геллера мы, однако, почти не находим «Больших вопросов», которые бы касались социальных отношений. Вопрос «Как сотрудничать с подобными мне?», по Геллеру, задавал себе последний общий предок людей и человекообразных обезьян.

Возможности языкового выражения оказываются особенно ограниченными в сфере интимности. Наша культурная компетенция включает, конечно же, такого рода информацию, но она с трудом поддается вербализации, а ее культивирование в значительной степени опирается на интуицию и подражание. Например, разные культурные сообщества (исторические, этнические, социальные и т.д.) по-разному трактуют телесное прикосновение и поцелуй (Enfield 2004: 108 сл.), однако общим является то, что культурные нормы в этой сфере обычно функционируют в латентной форме. Разумеется, можно — в качестве контраргумента — сослаться на древнеиндийский трактат *Камасутра* или современную порнографическую литературу, однако к доминирующим или универсальным формам культуры ни первое, ни второе отнести нельзя. В британском фильме Сола Дибба *Герцогиня (The Duchess)* показаны западноевропейские нравы XVIII в. В фильме есть сцена, в которой одна героиня убеждает другую, что можно любить «иначе»; урок культуры любовной игры, культуры поцелуя обходится, однако, без слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье предпринята попытка критического анализа фундаментального положения современной русской лингвокультурологии, согласно которому языковая система представляет собой отражение культуры, а по лингвистическим данным может быть реконструирован национальный характер, коллективный менталитет и образ жизни его носителей. Поддерживая мнение таких исследователей, как Анатолий Т. Кривоносов, Валерий М. Мокиенко, Анна В. Павлова, Евгений В. Зарецкий и др., я старался показать, что в действительности отношения между языком и культурой намного сложнее. В связи с этим были

введены два типа культурной детерминации языка: содержательный (онтологический) и фактовый (эпистемологический). В первом случае языковые формы и их категории непосредственно наследуют элементы мировоззрения и социальной практики, сформировавшиеся в рамках определенного культурного сообщества. Во втором случае культура представляет собой своего рода сцену, на которой осуществляется языковая/речевая деятельность и выполняет по отношению к ней (и с точки зрения производства, и с точки зрения восприятия речевых сообщений) только регулятивную функцию.

Проблемы лингвокультурологии, а отчасти и семантики во многом вытекают из упрощенного представления о содержании языковых знаков. Игорь К. Архипов обратил внимание на неточность термина *перенос/передача информации* (2011: 453 сл.). В основе этого термина лежит метафорическое, в сущности, представление о языковом знаке как контейнере, резервуаре, емкости, внутрь которого помещается содержимое — понятие, представление, образ (СОДЕРЖАНИЕ — ЭТО СОДЕРЖИМОЕ). При таком понимании форма и значение оказываются закрепленными друг за другом⁸. В действительности, как заметил Архипов, мы не передаем информацию — передаются формы, а информация является продуктом ментальной деятельности отправителя и получателя сообщения, что в особенности верно по отношению к композиционным единицам, таким, как словосочетание, предложение, текст.

В комментарии Мигеля Сервантеса Сааведры к его поэме *Путешествие на Парнас* находим такой диалог:

— А скажите на милость, сеньор, какой род поэтического мастерства вас более всего утруждает, или, вернее, услаждает ваш досуг? [...]

— Я не понимаю, что значит поэтическое мастерство (*Добавление к «Парнасу»*).

Такого рода примеры, как кажется, достаточно однозначно указывают на то, что закрепленность значения за языковой формой относительна, во всяком случае опосредована языковой и социокультурной компетенцией речевых субъектов.

Из сказанного следуют два вывода. Во-первых, поскольку слушающий конструирует содержание знака на основе собственной

⁸ Дмитрий Б. Гудков пишет, что «значение [...] закреплено за соответствующей единицей языка» (2005: 27).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

языковой и неязыковой компетенции, а также актуальной функциональной, интеллектуальной, эмоциональной и др. диспозиции, то культурное содержание языковых сообщений в значительной степени относится к прерогативе слушающего. Многие «культурные смыслы», особенно историко-этимологические, которыми занимаются современные этнолингвисты, вообще недоступны современным носителям языка, поэтому глобальные выводы, которые делаются в результате такого анализа, следует признать ошибочными.

Во-вторых, культурная информация необязательно воплощается в содержании языковых знаков. Языковые формы рождаются в недрах культуры (хотя при этом многие формы имеют заимствованный характер), но культурная детерминация языка во многих случаях является чисто внешней, условной — фактовой, как определено в статье. Поэтому, когда слушающий получает, например, сообщение *охотничий салат*, он должен актуализировать в своей памяти фрагмент тезауруса, который репрезентирует знания об охотниках и салатах. В самом языковом выражении закодировано только его общее, схематическое содержание, а также алгоритм, согласно которому полное семантическое представление выражения требует апелляции к культурному тезаурусу языкового субъекта. Если в тезаурусе соответствующих знаний нет, то — независимо от того, что слушающий имеет дело с тем самым языковым выражением — оно будет интерпретировано иначе, чем это предполагалось говорящим. Так, приведенное выше выражение в речи ребенка получает окказиональный смысл:

Жена мужу: Помнишь, раньше были такие охотничьи салаты...
Дочка (6 лет): Они что — из охотника? (Киклевич 1999: 112).

Между языком и культурой устанавливается, преимущественно, отношение комплементарности, а культурная информация представляет собой фон, на котором высвечиваются в сознании языковых субъектов языковые знаки. Она нужна языковым субъектам так же, как фотографу в студии нужен белый фон, на котором лица и предметы видны наиболее отчетливо.

ЛИТЕРАТУРА

- И.К. Архипов, *О «переносе информации» в прямом и переносном смысле*, «Przegląd Wschodnioeuropejski» 2011, № II, с. 453–464.
- Л.М. Баткин, *О некоторых условиях культурологического подхода* // Б. Пиотровский (ред.), *Античная культура и современная наука*, Наука Москва 1985, с. 303–312.
- М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва 1979.
- А.В. Брушлинский, В.А. Поликарпов, *Мышление и общение*, Университетское, Минск 1990.
- Л.М. Васильев, *Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики*, Издательство БГУ, Уфа 2006.
- П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон, *Аксиомы теории коммуникации*, пер. И. Авидон, П. Румянцева // Н.В. Казаринова, В.М. Погольша (ред.), *Межличностное общение*, Питер, Санкт-Петербург и др. 2001, с. 11–25.
- В.Н. Волошинов, *Марксистская философия языка*, Прибой, Ленинград 1929.
- В.Г. Гак, *Сравнительная типология французского и русского языков*, Просвещение, Москва 1977.
- Д.Б. Гудков, *Коды русской культуры: проблемы описания*. «Мир русского слова» 2005, № 1–2, с. 25–31.
- В.В. Дементьев, *Непрямая коммуникация*, Гнозис, Москва 2006.
- Е.В. Зарецкий, *Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками)*, Издательство Астраханского университета, Астрахань 2008.
- Т.В. Зборовская, *Специфика формирования картины мира трансгендеров в зависимости от социокультурных реалий: исследование ассоциативных норм (на примере русского и английского языков)*, <http://sport-reporter.ru/kultura/12735/index.html> (01.09.2014).
- Е.Ф. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев, *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*, Наука, Москва 1981.
- И.В. Зыкова, *Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков*, Институт языкознания РАН, Москва 2010 (автореферат диссертации).
- А.А. Камалова, Л.А. Савёлова: *Лингвокультурологическое описание северной русской деревни*, Издательство Поморского университета, Архангельск 2007.
- Ю.Н. Караулов, *Общая и русская идеография*, Наука, Москва 1976.
- С.В. Кодзасов, *Исследования в области русской просодии*, Языки славянских культур, Москва 2009.

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

- А.К. Киклевич, *Лекции по функциональной лингвистике*, Издательство БГУ, Минск 1999.
- М.Л. Ковшова, *Лингвокультурологический метод во фразеологии*, URSS, Москва 2013.
- В.В. Мартынов, *Функциональная грамматика и категории языка* // В.Н. Ярцева (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*, Наука, Москва 1985, с. 155–161.
- В.В. Мартынов, *Принципы объективной семантической классификации* // Д. Г. Богусевич (ред.), *Реализационный аспект функционирования языка*, Белорусская ассоциация коммуникативной лингвистики, Минск 1995, с. 83–91.
- Ю.С. Маслов, *Введение в языкознание*, Высшая школа, Москва 1987.
- Н.Б. Мечковская, *Ранние восточнославянские грамматики*, Университетское, Минск 1984.
- В.М. Мокиенко, *Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии*, Фолио-Пресс, Санкт-Петербург 1999.
- В.М. Мокиенко (ред.), *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Фолио-Пресс, Санкт-Петербург 2001.
- Э. Сепир, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, пер. А.М. Сухотин, А.Е. Кибрик, С.А. Крылов и др., Прогресс, Москва 1993.
- Ф. де Соссюр, *Труды по языкознанию*, пер. А.А. Холодовича, Прогресс, Москва 1977.
- И.И. Срезневский, *Русское слово. Избранные труды*, Просвещение, Москва 1986.
- Ю.С. Степанов, *В трехмерном пространстве языка*, Наука, Москва 1985.
- Ю.С. Степанов, *Стиль* // В.Н. Ярцева (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, Москва 1990, с. 494–495.
- А.Е. Супрун, *Лексическая типология славянских языков*, Издательство БГУ, Минск 1983.
- Д.Д. Фрэзер, *Фольклор в Ветхом завете*, пер. Д. Вольпин, Издательство политической литературы, Москва 1986.
- Р.Х. Хайруллина, *Лингвистика межкультурных коммуникаций*, Издательство БГПУ, Уфа 2005.
- Н.Ю. Шведова (ред.), *Русская грамматика*, т. 1, Наука, Москва 1982.
- A. Awdziejew, *Gramatyka interakcji werbalnej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2004.
- J. Damourette, E. Pichon, *Des mots à la pensée: essai de grammaire de la langue française*, 1, Collection des Linguistes Contemporains, Paris 1930.
- R. Dirven, *The Metaphoric in Recent Cognitive Approaches to English Phrasal Verbs*, www.metaphorik.de.1 (03.01.2001).

- J. Enfield, *Całuj i mów. Prawdziwa historia pocałunku*, Bellona, Warszawa 2004.
- R.R. Gesteland, *Różnice kulturowe a zachowania w biznesie*, пер. H. Malarecka-Simbierowicz, PWN, Warszawa 2000.
- W. Kajtoch, *Językowe obrazy świata i człowieka w prasie młodzieżowej i alternatywnej*, t. 1, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2008.
- E.A. Karpilowska, *Gniazda słów jako językowy obraz świata. Perspektywy badań porównawczych*, «LingVaria» 2007, № 2(4), s. 27–41.
- A. Kiklewicz, *Aspekty teorii względności lingwistycznej*, CBEW, Olsztyn 2007.
- A. Kiklewicz, *Роль стереотипов в межкультурной коммуникации*, «Przegląd Wschodnioeuropejski» 2011 (a), № II, s. 259–284.
- A. Kiklewicz, «Среди миров», или деконструкция символизма. К когнитивно-семантическому анализу стихотворения Иннокентия Анненского // A. Kamałowa (red.), *Когнитивная поэтика: проблемы, опыт исследования*, CBEW, Olsztyn 2011 (б), s. 73–94.
- K. Kleszczowa, *Dobrodziejstwo chaosu znaków językowych* // K. Bakula, D. Heck, *Efekt motyla. Humaności wobec teorii chaosu*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2006, s. 47–53.
- R. Korzyk, *Język i gramatyka w perspektywie „komunikatywizmu”* // A. Awdiejew (red.), *Gramatyka komunikacyjna*, PWN, Warszawa–Kraków 1999, s. 9–32.
- S. Kuno, *Functional syntax. Anaphora, Discourse and Empathy*, University of Chicago Press, Chicago 1987.
- A. Livia, *Pronoun Envy. Literary uses of linguistic gender*, Oxford University Press, Oxford 2001.
- Z. Muszyński, *Światy za słowami. Ich natura i porządek* // R. Grzegorzczkowska, A. Pajdzińska (red.), *Językowa kategoryzacja świata*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 1996, s. 27–45.
- R. Tokarski, *Językowy obraz świata w metaforach potocznych*// J. Bartmiński (red.), *Językowy obraz świata*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 1999, s. 67–81.
- J. Warchala, *Kategoria potoczności w języku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2003.

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ...

Aleksander Kiklewicz

W JAKIM SENSIE JĘZYK JEST DETERMINOWANY PRZEZ KULTURĘ? O PRZEDMIOCIE I OGRANICZENIACH LINGWOKULTUROLOGII (II)

Streszczenie

Przedmiotem artykułu jest determinacja kulturowa systemu języka oraz działalności językowej. Autor rozróżnia dwa typy kulturowej determinacji języka oraz działalności językowej: ontologiczny/merytoryczny oraz epistemiczny/faktywny. W związku z tym wszystkie fakty języka (formalne, funkcjonalne, kombinatoryczne i in.) są traktowane jako fenomeny symptomatyczne lub symboliczne. Autor analizuje fenomeny obydwu typów na przykładzie języków europejskich. Z uwzględnionych przez autora danych wynika, że działalność językowa w stosunku do kultury ma charakter komplementarny, gdyż część kategorii kultury realizuje się w odmiennych, nie językowych formach.

Aleksander Kiklewicz

IN WHAT SENSE LANGUAGE IS DETERMINED BY CULTURE? ABOUT THE SUBJECT AND LIMITATIONS OF THE LINGUOCULTUROLOGY (II)

Summary

The subject of this paper is the cultural determination of language and linguistic activity. The author distinguishes between two types of cultural determination of language activity: ontological/essential and epistemic/factual. Therefore, all language facts (formal, functional, combinatorial, etymological et al.) are treated as symptomatic or symbolic phenomena. The author analyzes the phenomena of both types on the example of European languages. The data included by the author suggests that the language activity is complementary in relation to culture because the part of the category of culture is realized in the different forms outside of the language activity.